

Анна Соколова

Elizabeth Warner and Svetlana Adonyeva. We Remember, We Love, We Grieve: Mortuary and Memorial Practice in Contemporary Russia. Madison: University of Wisconsin Press, 2021. 304 pp. ISBN 9780299330705.

Анна Соколова, Хельсинкская коллегия перспективных исследований (Helsinki Collegium for Advanced Studies), Университет Хельсинки. Адрес для переписки: University of Helsinki, Fabianinkatu 24, 00014, Helsinki, Finland. anna.sokolova@helsinki.fi.

В последние годы темы памяти, смерти и умирания становятся все популярнее среди исследователей России. При этом большинство из них обращаются к трансформациям советского и постсоветского периода, вписывая российские практики в мировой контекст или демонстрируя специфический вектор развития (Малышева 2019; Матич 2021; Мохов 2021; Соколова 2022; Merridale 2000). В этом смысле книга Элизабет Уорнер и Светланы Адоньевой «Помним, любим, скорбим: погребальные и мемориальные практики в современной России» стоит несколько особняком. Авторы обращаются прежде всего к тем аспектам похоронно-мемориальной культуры, которые оставались неизменными на протяжении всего XX века, сохранялись и воспроизводились в консервативной и тяготеющей к традиции сельской среде Русского Севера.

Авторы отмечают, что их монография стала обобщением многолетнего опыта полевой работы, в ходе которой они записывали воспоминания и рассказы о прошлом и настоящем образе жизни. Хотя собеседники описывали различные семейные ритуалы, именно практики, связанные со смертью, имели для них особое значение, поскольку наиболее полно говорили о смерти и мертвых в настоящем времени – как в прямом, так и в переносном смысле. Между тем, как отмечают авторы, «слова “помним, любим, скорбим” отражают не только индивидуальную утрату. Они также заключают в себе чувство лишения и утраты в гораздо более широком масштабе, наряду с решимостью жителей деревни помнить, сохранять и возвращать себе то, что другие были полны решимости уничтожить» (с. 7). Пожалуй, внимание к традиции, к тому, как она сохраняется и воспроизводится, несмотря ни на что, и можно назвать главным фокусом настоящего исследования.

Главы книги посвящены традиционным представлениям о душе и ее посмертном существовании, принятым в сельских районах Вологодской, Архангельской, Тверской и Псковской областей, а также различным способам коммуникации живых с умершими. При этом каждая глава имеет свое авторство и отражает специфическое видение проблемы одним из авторов. В первой главе Уорнер подробно описывает приготовления к погребению, прощание с умершим, поминки. Она подчеркивает, что для сельских жителей Русского Севера нет никаких сомнений в посмертном существовании души и эффективности различных способов общения с ней. При этом особое внимание уделяется материальной стороне такого рода коммуникации – через заботу о теле покойного или предметы, которые кладутся в

гроб, – и возможности новых умерших быть посредниками в коммуникации с умершими ранее. Во второй главе Уорнер обращается к практике ритуального кормления в связи с культом предков. Речь здесь идет как о поминальных трапезах, так и о ритуалах, связанных с пищей на кладбище или непосредственно на могиле, а также с кормлением предков через посредников (подача ритуальной милостыни, кормление птиц и др.).

В третьей главе Адоньева анализирует причитания как особый язык коммуникации с мертвыми. Рассматривая полученные от собеседниц разных поколений материалы, она показывает, как, несмотря на различные исторические контексты, сохранялись потребность и умение причитать, а сами по себе причитания продолжали подразумевать реципрокность, лояльность и определенные обязательства в отношениях между живыми и умершими. Четвертая глава сфокусирована на визуальной риторике сельских кладбищ. Уорнер обращается к крестам как традиционной форме надгробий и отмечает, что государственный атеизм в СССР не воспринимал их в качестве исключительно религиозных объектов, что сохранило их в течение всего советского периода. В то же время в советский и постсоветский периоды на кладбищах появляются новые объекты и формы надгробий, существенно изменившие визуальный ландшафт мемориальных пространств. Речь идет о звездах и обелисках, керамических портретах умерших и художественной гравировке, ярких искусственных цветах и георгиевских ленточках.

Пятая глава посвящена праздникам Семик и Троица, которые Уорнер интерпретирует как единый комплекс «праздников жизни и смерти», которые «обращаются не к темной стороне смерти, а позволяют смерти занять свое место в бесконечном цикле умирания, возрождения и воскресения – как в мире природы с ее сменяющимися сезонами, так и в мире людей» (с. 174). Глава начинается с пространного исторического очерка о поминовении умерших и посещении кладбищ в эти дни. Обращаясь к практике оставлять березовые ветви на могилах, Уорнер показывает, как в период создания новых обрядов и праздников в 1960–1970-е годы конструировался советский праздник Березы, который должен был заместить Троицу. В последней же, шестой, главе Адоньева обращается к традиции мемориалов «Вечного огня» как типичным советским мемориальным пространствам¹, отмечая, что это одна из немногих советских мемориальных традиций, не имеющая истоков или аналогий в традиционной культуре.

Похоронная и мемориальная культура, представленная через рассказ о наиболее архаичных народных представлениях и практиках, ставит перед нами помимо прочего важный вопрос: что такое «современная Россия», о которой рассказывают нам Уорнер и Адоньева? Хотя авторы отмечают, что их полевая работа охватывает огромный период с 1983 по конец 2010-х годов, ядром, вокруг которого строится большинство глав, являются записи с информантами старшего возраста, сделанные в 1990–2000-х годах. Таким образом, речь идет во многом о рефлексии практик, отстоящих от нас на несколько десятилетий. В то же время сами авторы в большинстве случаев находят реперные точки в далеком прошлом – в

¹ Данная глава является дополненным переводом более ранней работы (Адоньева 2009).

исследованиях, художественной литературе и искусстве XIX – начала XX века. Действительно, представленные в книге материалы демонстрируют явную преемственность с практиками и представлениями прошлого, при этом настоящее будто бы ускользает.

Хотя название монографии отсылает к современной России в целом, речь в ней фактически идет о сельском населении Русского Севера – Архангельской и Вологодской областей. Более того, обширное описание географии и истории исследуемого региона относится именно к Русскому Северу, хотя в отдельных главах авторы делают многочисленные отсылки к материалам из Псковской и Тверской областей. Такой фокус на регионе, в течение долгого времени считавшемся сосредоточением русской традиционной культуры, несомненно, отражает ценностное и аналитическое видение исследователей. Они говорят преимущественно о русском сельском населении, исповедующем православие, и показывают, как пожилые женщины, несмотря на многогранно изменяющийся мир вокруг, продолжают придерживаться традиций.

Повествование в книге идет как бы по нарастающей. Оно начинается с представлений о посмертных мытарствах души и различных способах коммуникации с умершими, казалось бы, совсем не затронутых ни советским влиянием, ни постсоветской глобализацией. Постепенно авторы все больше обращаются к периоду существования СССР, заканчивая свой анализ новой советской традицией установки Вечных огней. Однако если трансформации советского периода в целом привлекают внимание авторов, то постсоветские оказываются как будто незамеченными. Какое влияние на похоронные и мемориальные практики и представления оказали бурные события последних 40 лет, в числе которых войны в Афганистане и Чечне, коммодификация похоронного ритуала и прочее? Как выстраиваются мемориальные отношения между родственниками, живущими в деревне и в городе? Являются ли записанные в 1990-е и 2000-е годы истории от пожилых женщин уходящими практиками и представлениями или они все так же живы и актуальны для людей, родившихся на крайнем рубеже советского периода, современных 40–50-летних? Готовы ли молодые люди сами воспроизводить описанные практики или пожилые собеседники авторов говорят о том похоронном и поминальном обрядах, которые они считают нормой, но которые вряд ли будут реализованы после их собственной смерти? Все эти вопросы, к сожалению, остаются за пределами предлагаемого исследования.

Интерес авторов к традиционной культуре и методы исследования также порождают у читателя вопросы. Так, например, говоря о причитаниях, авторы неоднократно отмечают, что плакальщица исполняет причитания по просьбе исследователей, а иногда и после долгих уговоров собирателей (с. 4, 100). Такая ситуация – не редкость для исследователей фольклора, которых интересует в первую очередь текст причитания. Однако если мы говорим о живой и воспроизводящейся мемориальной культуре, что собранный таким образом материал может сказать нам о современном бытовании традиции? Каковы «живые» контексты причитания? Как эта традиция встраивается в современные реалии? Как трансформируются тексты причитаний? В фокусе внимания исследовательниц находятся почти исключительно

женщины и, хотя во многом это оправдано, у читателя невольно возникает вопрос – неужели мужчины могут быть только объектом похоронных и мемориальных практик? Концентрируясь на женщинах как носителях традиции, авторы оставляют в стороне большинство контекстов, в которых основными акторами являются мужчины. Однако без участия последних многие элементы похоронного ритуала, как правило, невозможны (транспортировка умершего на кладбище, изготовление гроба, рытье могилы и т. д.). Аналогичным образом, в повествовании мы совсем не встречаем ритуальных специалистов нового типа – ритуальных агентов – даже тогда, когда речь идет не о далеких архангельских или вологодских деревнях, а о поселках или небольших городах Тверской или Псковской областей. Впрочем, остается неясным, является ли отсутствие агентов их полным отсутствием в исследуемых районах или недостатком внимания авторов к ним.

В то же время работа Уорнер и Адоньевой представляет собой прекрасный сборник эссе, обращенных к традиционному фольклору Русского Севера. В некотором смысле такой взгляд на похоронные практики близок к позднесоветской этнографии, которая обращалась к обрядам перехода в поисках традиции, сохранившейся, быть может, только в сельской местности. В то же время авторам удалось дополнить главы о традиционных практиках, верованиях и представлениях разделами о новых мемориальных формах, что классические описания уходящей традиции оказались обрамлены современным опытом, практиками и пространством.

Отдельно хочется сказать также о том такте и нежности, с которыми авторы говорят о своих собеседниках. Этнографические зарисовки, которыми изобилует книга, свидетельствуют о взаимном уважении между исследователями и информантами. В них чувствуется большая благодарность авторов не только за полученный в ходе экспедиций материал, но и за личные переживания и опыт сопричастности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адоньева, Светлана. 2009. «История о Вечном огне: культовые сооружения советской эпохи». С. 223–260 в *Дух народа и другие духи*. СПб.: Амфора.
- Малышева, Светлана. 2019. «На миру красна»: инструментализация смерти в Советской России. М.: Новый хронограф.
- Матич, Ольга. 2021. *Музеи смерти. Парижские и московские кладбища*. М.: Новое литературное обозрение.
- Мохов, Сергей. 2021. *Археология русской смерти. Этнография похоронного дела в современной России*. М.: Common Place.
- Соколова, Анна. 2022. *Новому человеку – новая смерть? Похоронная культура раннего СССР*. М.: Новое литературное обозрение.
- Merridale, Catherine. 2000. *Night of Stone: Death and Memory in Twentieth-Century Russia*. London: Granta.